

сается до описываемого здесь бедствия (чумы. — З. У.), то нет возможности ни сказать, ни придумать другой причины, кроме воли божьей»⁸¹. В этих словах Прокопия звучат с большой силой идеи непознаваемости мира, непостижимости сущего, слабости человеческого разума перед тайнами природы, которые могут быть объяснены только произволом божества. Здесь можно усмотреть некоторые элементы агностицизма в философских взглядах Прокопия.

Иногда Прокопий все изменения в делах человеческих приписывает велению судьбы. Так, возведением на императорский престол Феодоры судьба как бы хотела показать свое могущество. «Она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами»⁸². Судьба внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту и без всякого к тому основания, тогда все препятствия рвутся и все уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. «Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу», — завершает свои размышления о силе судьбы автор⁸³. Вместе с тем, признавая могущество судьбы, Прокопий не призывает человека к полной покорности ей, не обрекает его на пассивную бездеятельность. Он считает, что «никакие старания не могут быстро исправить бедствий, происходящих по воле судьбы, но рассудок легко может исправить зло, причина которого — сам человек»⁸⁴.

В мировоззрении Прокопия античная идея судьбы, рока причудливо переплетена с христианской верой в божественное предопределение, в то, что все свершается по воле единого божества.

Так, Прокопий пишет: «В течение всех прошлых веков многое другое можно было видеть случившимся против всяких надежд и ожиданий, и всегда и в будущем будет оно случаться, пока *судьба* людей будет оставаться такой же»⁸⁵. Причем провидение иногда достойных разит, а дурных милует⁸⁶.

Но в других случаях Прокопий неожиданно иронизирует над самим понятием *судьбы* и заменяет его «божьем соизволением». «Таким образом, выходит, — пишет Прокопий, — что все человеческие дела управляются не планами людей, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем, а не иным. Всему тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно»⁸⁷.

Скептицизм, неверие в силы человека, всецело подчиненного божеству, судьбе, неверие в прочность человеческого счастья — вот идеи, часто встречающиеся в трудах Прокопия. «Я не могу постигнуть, — замечает он, — почему богу угодно поднимать на такую ступень высоты одного человека или один город, потом низвергать его и обращать в прах без всякой причины, нам видимой»⁸⁸.

Затем, как бы спохватившись, что подобный скептицизм противоречит христианской религии, Прокопий заявляет: «Но этим я не хочу сказать, —

⁸¹ Proc. V. P., II, 22.1—2.

⁸² Proc. H. a., X, 9.

⁸³ Ibid., X, 10.

⁸⁴ Proc. V. P., I, 14. 22.

⁸⁵ Proc. V. V., II, 7.18. Говоря о быстром и легком завоевании Северной Африки Велисарием, Прокопий приписывает это воле судьбы (Proc. V. V., II, 7. 20—21); крепость Петра в Лазике попала в руки персов по той же причине (Proc. V. P., II, 17.16).

⁸⁶ Так, чума по воле провидения поражала лучших людей и пощадилла многих дурных (Proc. V. P., II, 23.16).

⁸⁷ Proc. V. P., II, 10.5.

⁸⁸ Ibid., II, 10.4.